

Проблемы сотрудничества и сотворчества автора и редактора

Светлана Сапожникова

РЕДАКТОР И АВТОР НАУЧНОЙ МОНОГРАФИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (Часть II. Психологический аспект проблемы)*

Аннотация. Обсуждаются психологические аспекты проблемы взаимодействия редактора и автора научного текста. Предпринимается попытка дать определение понятию «профессиональная редакторская рефлексия» и показать его важность для понимания работы с авторским текстом.

Ключевые слова: научная монография, автор и редактор научной монографии; профессиональная редакторская рефлексия; профессиональное (специальное) редакторское прочтение; понимание авторского текста.

Abstract. Article describes methodological aspect of topical issues of interaction between the editor and author of the scientific text, valuable reference points and actual functions of the scientific monograph. Importance of mental sets of the editor and author of the scientific monograph is discussed.

Keywords: scientific monograph, author and editor of the scientific monograph; mental sets of the editor and author of the scientific monograph.

* Продолжение. Начало см.: Сапожникова С.Е. Редактор и автор научной монографии: актуальные вопросы взаимодействия (Часть I. Социальный аспект проблемы) // Развитие личности. – 2015. – № 2. – С. 43–56.

1. Издательский контекст взаимодействия редактора и автора

Основные стороны взаимодействия редактора и автора

Поводом для взаимодействия редактора с автором является произведение либо идея о создании какого-либо произведения. Инициатива предложить к изданию готовое произведение чаще всего исходит от автора, тогда как идея создать произведение, как правило, принадлежит издательству. Я не буду касаться здесь множества нюансов, связанных с организационными, правовыми и прочими вопросами, сопровождающими процесс общения редактора и автора. В значительно большей степени в данной статье мне хотелось бы обозначить психологические моменты, возникающие в процессе взаимодействия между редактором и автором как личностями и как представителями двух профессиональных сфер – издательской и науки психологии.

Взаимодействие редактора и автора, о каком бы произведении ни шла речь (научное, научно-популярное, литературно-художественное и др.), включено в редакционно-издательский процесс, имеющий некоторые свои константы. Данные константы имеют название этапов редакционно-издательского процесса. Каждый этап имеет свою цель, отличается направленностью взаимодействия редактора и автора (а также других издательских специалистов) и кругом решаемых задач относительно текста произведения и будущего издания в целом.

Поскольку для понимания психологических аспектов взаимодействия редактора и автора важно представлять системный характер их совместной сотворческой деятельности, кратко охарактеризую этапы редакционно-издательского процесса.

Организационно-подготовительный этап – начальный этап взаимодействия редактора и автора

На *организационно-подготовительном этапе* принимается решение о том, будет ли произведение издаваться в данном издательстве или нет (на языке издателя: будет включено в издательский портфель или нет). Это зависит от большого количества факторов: соответствия произведения идеологии издательства; его актуальности, в представлении издателей; новизны и оригинальности темы; соответствия запросам читательской аудитории и др. Взаимодействие редактора и автора на этом этапе обусловлено необходимостью представить на обсуждение администрации издательства убедительные аргументы в пользу того, что произведение соответствует принятым в данном конкретном издательстве критериям для включения в издательский план.

Организационно-подготовительный этап является очень ответственным для всех участников, задействованных на нем, так как именно в этот момент принципиально решается вопрос об издании произведения. И если для автора речь идет о будущем его детища, то для издательства – о прогнозе его коммерческой ценности, то есть будет издание продаваться или нет.

Прогностическая функция редактора

До сих пор мне не встретилось ни одного автора, который, создав свое произведение, считал бы его недостаточно актуальным, оригинальным, новаторским и востребованным для читателя, кем бы он ни являлся. Однако у издателя есть свое понимание относительно оригинальности, новизны и прочих критериев так называемой коммерческой жизнеспособности издания. И хотя редактор, предлагая на обсуждение коллегам произведение автора, доверяет своему чутью относительно востребованности издания у читателей, он опирается на целый ряд критериев, которые будут являться аргументами в пользу издания книги в данном издательстве (как показывает мой опыт, в другом издательстве могут работать несколько иные критерии).

Основные вопросы издателей для решения о выпуске книги

Одними из ключевых аргументов, пожалуй, общими для многих издателей, являются: 1 – основная идея произведения (выражается вопросом: «В чем его суть?»); 2 – соответствие идеи идеологии издательства, которая опирается на определенные ценности («Насколько главная идея и ее воплощение соответствуют идеологии издательства?»); 3 – коммерческая целесообразность («Зачем читателю эта книга? Почему он захочет ее приобрести?»); 4 – профессиональный и издательский опыт автора и успешность его предшествующих произведений («Почему читатель должен доверять этому автору?»); 5 – баланс между «читательским голодом» в отношении темы произведения и готовностью читательской аудитории к восприятию идей автора и др.

Как редактор нарабатывает прогностический опыт

Прогностические способности нельзя приравнять ни к интуиции (так называемому чутью), ни к критериям «идеального» издания. Редактору нужен многообразный опыт – и свой собственный, и опыт его коллег. Большую роль в наращивании прогностического опыта играет **личностное общение с автором произведения**, в процессе которого редактор получает ответы на важные вопросы, в том числе и на ключевые, перечисленные выше. Это не означает априори, что автор произведения знает загодя ответы на все эти вопросы. И автор, и редактор находятся в процессе поиска, который, однако, имеет несколько разные цели для каждого из них: редактор сосредоточен на поиске аргументов в пользу понимания целесообразности издания книги,

Редакционный этап – основной этап сотворческого взаимодействия

тогда как автор стремится прояснить, чего хочет от него издатель и насколько он готов пойти ему навстречу.

Если произведение принято в издательский план, наступает *редакционный этап*, суть которого – отредактировать произведение, то есть усилить смысловые, структурно-содержательные особенности и устранить недочеты. Редакционный этап характеризуется активным взаимодействием редактора и автора. Именно на этом этапе наиболее ярко проявляется профессиональная редакторская рефлексия, о которой речь пойдет далее.

Наконец, завершающим этапом редакционно-издательского процесса является *производственный этап*, когда произведение обретает форму, которую читатель увидит в печатном (или электронном) виде.

Основные психологические аспекты взаимодействия редактора и автора научного текста

Полагаю, психологические аспекты взаимодействия редактора и автора научного текста можно разделить на несколько групп: 1 – вопросы идентификации редактора и автора в процессе личного общения, редактора с авторским текстом, автора с текстом, включающим редакторские предложения; 2 – вопросы отчуждения редактора и автора друг от друга, а также редактора от авторского текста и автора от текста, включающего редакторские правки; 3 – вопросы взаимодействия редактора и автора с образно-знаковой реальностью произведения; 4 – вопросы взаимодействия редактора и автора в социально-нормативном пространстве научного произведения; 5 – вопросы взаимодействия внутренних личностных позиций редактора и автора научного текста; 6 – вопросы сотрудничества и сотворчества в процессе подготовки произведения; 7 – вопросы профессионального рефлексирования редактора и автора на все аспекты взаимодействия друг с другом и с текстом произведения.

Данная статья является попыткой обозначить тему профессиональной редакторской рефлексии.

2. Понятие о профессиональной редакторской рефлексии

Личность с высокой рефлексией

В исследовании психологии читательского выбора научных монографий в сфере гуманитарных дисциплин, проведенном несколько лет назад, мной была предпринята попытка создания условной модели идеального читателя-исследователя, ориентированного на выбор научных монографий. Одной из составляющих этой модели было понятие «личность с высокой рефлексией». В качестве основных характеристик такой личности мною были выделены следующие: «1 – активно переосмысливает содержание (объективное и субъективное)

своего индивидуального сознания, обеспечивающего успешное осуществление собственной деятельности; 2 – удерживает себя на сложной, синтетической работе мысли, на процессах соотнесения и соединения понятий; 3 – обладает “рефлексивной культурой” – системой способов организации рефлексии, основанной на ценностях и интеллектуальном потенциале субъекта» [1, с. 72–73].

Взаимодействие между редактором и автором научного текста – это, в первую очередь, взаимодействие двух рефлексизирующих личностей, причем личностью с высокой рефлексией может здесь выступать не только автор-ученый, но и редактор научного текста. Полагаю, что для понимания актуальных вопросов взаимодействия между редактором и автором научного текста необходимо попытаться ввести понятие «профессиональная редакторская рефлексия».

Прежде чем предпринять попытку дать определение понятию «профессиональная редакторская рефлексия», приведу несколько определений понятия «рефлексия», закрепленных в словарях. Итак, рефлексия, согласно устоявшимся в науке определениям, – это:

1 – «форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека. Содержание рефлексии определено предметно-чувственной деятельностью: рефлексия в конечном счете есть осознание *практики*, предметного мира культуры» [2, с. 499];

2 – «понятие философского дискурса, характеризующее форму теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека. Рефлексия в конечном итоге есть осознание *практики*, мира культуры и ее модусов – науки, искусства, религии и самой философии» [3, с. 455].

3 – «способность человеческого мышления к критическому самоанализу. <...> ...Рефлексия считается важнейшим средством самопознания человека и основой его духовного совершенствования» [4, с. 729];

4 – «осмысление чего-либо при помощи размышления, изучения и сравнения... В узком смысле – “новый поворот” духа после совершения познавательного акта к Я (как центру акта) и его микрокосму, благодаря чему становится возможным присвоение познанного...» [5, с. 385];

5 – «обращение познающего сознания на свою собственную деятельность, познание им самого себя» [6, с. 423].

Определения
рефлексии в
психологии

Я отдаю себе отчет в том, что тема рефлексии, и в том числе профессиональной рефлексии, сегодня активно разрабатывается в психологии. Некоторые вопросы, связанные с обсуждением проблемы профессиональной рефлексии, были рассмотрены мной ранее [1, с. 119–122]. В частности, актуальными представлялись следующие моменты.

Рефлексия на себя –
безусловно духовный
опыт

В.С. Мухина рассматривала рефлексию во взаимосвязи с самосознанием [7, с. 174, 866, 916], как феноменологическую [Там же, с. 459, 916] и углубленную [Там же, с. 720, 917] способность к ней личности. Отмечая, что «самосознание сопряжено с рефлексией на самого себя» [Там же, с. 866], В.С. Мухина приводила ответы Ф. Ницше на вопрос «Кто я?»; рефлексивные самоотчеты философа, как отмечала ученый, выполнены в форме исповедальной психографии [Там же] и «показывают бесконечно мучительные подходы к своему “Я”, стремление познать и описать себе свое *самопредставление*» [Там же, с. 868]. Выражая свою позицию относительно рефлексий выдающихся философов Ф. Ницше и Н.А. Бердяева и отмечая, что их рефлексии «отличаются глубоким проникновением и одновременной восхитительной смелостью и беззащитной открытостью» [Там же, с. 871], В.С. Мухина адресовала своим современникам весьма значимое для меня послание: «Я полагаю, что честный взыскующий ответ, хотя бы не миру, но самому себе, позволит лучше понять себя. И, быть может, даст основание что-то предпринять для своего самосозидания. <...> Рефлексия на себя – безусловный духовный опыт, оказывающий ощутимое влияние на человека как личность» [Там же].

Рефлексия – форма
активного
личностного
переосмысления
индивидуального
сознания

С точки зрения исследователей проблем психологии творчества И.Н. Семенов и С.Ю. Степанова, рефлексия выступает как форма активного личностного переосмысления человеком содержаний (объективных и субъективных) своего индивидуального сознания, обеспечивающего успешное осуществление им собственной деятельности [8, с. 163]. При этом можно выделить в качестве самостоятельных и взаимосвязанных два вида рефлексии – интеллектуальную и личностную. Интеллектуальная рефлексия направлена на осмысление совершаемого субъектом движения в содержании проблемной ситуации и на организацию действий, преобразующих элементы этого содержания, тогда как личностная – на самоорганизацию через осмысление человеком себя и своей мыслительной деятельности в целом как способа осуществления своего личностного «я» [Там же, с. 163–164].

Рефлексия основана на ценностях и потенциале субъекта

А.А. Деркач с коллегами в рамках акмеологического подхода обсуждали понятие «рефлексивная культура», подразумевая под ним систему способов организации рефлексии, основанную на ценностях и интеллектуальном потенциале субъекта [9, с. 116].

Рефлексия как многократное взаимоотражение субъектами друг друга

В психологическом тезаурусе утвердились следующие **определения рефлексии**: «самопознание в виде размышлений над собственными переживаниями, ощущениями и мыслями» [10, с. 394]; «мыслительный (рациональный) процесс, направленный на *анализ, понимание*, осознание себя: собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений с и к др., своих задач, назначения и т.д.» [11, с. 469]; «размышление индивида о процессах его собственного сознания. В социальной психологии – осознание субъектом того, как он воспринимается другими людьми. В сложном процессе рефлексии представлены, как минимум, следующие позиции взаимоотношений: видение субъектом самого себя, видение субъекта другим индивидом, представление первого субъекта о представлении другого субъекта в отношении себя, своих мыслей и действий. Рефлексия может быть многократным взаимоотражением субъектами друг друга...» [12, с. 168].

Рефлексия как условие создания цельного видения человека

Современный исследователь рефлексии В. Аникина предлагала рассматривать рефлексии в качестве условия создания цельного, объемлющего, эстетически значимого видения человека, пережитого в категории «Другой-для-меня», но не в категории «Я-для-себя» [13, с. 135]. Та же исследователь, обозначив различные научные направления, которые представляют собой концептуальные представления о рефлексии: системно-деятельностный подход, праксиологическую концепцию рефлексии, метакогнитивный и субъектно-деятельностный подходы [12, с. 51–52], предложила собственную психотехническую модель рефлексии. В данной модели для меня представляются актуальными не столько ее составляющие, сколько понимание исследователем рефлексии «как культурно-исторического феномена, который устанавливается в условиях личностно-значимых, ценностных отношений между субъектами взаимодействия, как механизма познания и развития, опосредованного “знаковыми объектами” культуры (театр, изобразительное искусство, поэзия и т.д.) и деятельности» [14, с. 55]. Полагаю, книгоиздание также можно считать «знаковым объектом» культуры.

Рефлексия может быть недостаточной

Актуальным в контексте обсуждаемой проблемы является для меня понятие И. Канта «недостаточная реф-

лексия», под которым философ понимал заблуждения людей относительно предрассудков как «определяющих суждений»: «Причину такого заблуждения нужно искать в том, что субъективные основания ошибочно принимаются за объективные в силу *недостаточной рефлексии*... которая должна предшествовать всякому суждению. ...Мы не можем и не имеем права ни о чем судить без *рефлексии*, то есть без сравнения познания с той познавательной способностью (чувственностью или рассудком), из которой оно может возникнуть» [15, с. 334]. Полагаю, именно недостаточная рефлексия является причиной субъективной – так называемой вкусовой – редакторской правки, приводящей в недоумение автора и провоцирующей конфликтные ситуации в редакторско-авторских взаимоотношениях.

Определения
гнездового понятия
«профессиональный»

В контексте обсуждения профессиональной редакторской рефлексии полагаю актуальным дать также определение понятия «профессиональный». Большой академический словарь русского языка дает следующее определение этого понятия: «**Профессиональный**, -ая, -ое. 1. Относящийся к профессии; связанный с какой-либо профессией. <...> 2. Относящийся к профессионалу, свойственный ему (противоп.: любительский)» [16, с. 357].

При этом значение слова «профессионал» здесь определяется как «тот, кто сделал какое-либо занятие своей профессией» [17, с. 356]; собственно слово «профессия» означает «род трудовой деятельности, занятий, требующих определенной подготовки и являющихся основным источником существования» [18, с. 357]. Определения данных слов, на мой взгляд, не позволяют достаточно полно раскрыть суть понятия «профессиональный».

Полагаю, более емким можно считать определение понятия «профессиональ», приведенное в энциклопедии «Социология»: «Профессионалы – представители особого социального слоя, обладающие следующими характеристиками: 1) занятость на основе применения навыков, базирующихся на теоретическом знании; 2) специализированное образование и обучение этим навыкам; 3) особая компетентность, гарантированная сданными экзаменами; 4) наличие определенного кодекса поведения, обеспечивающего профессиональную идентичность; 5) исполнение определенных служебных обязанностей на благо общества...» [19, с. 813].

Опираясь на данное определение, попытаюсь выделить сущностные особенности понятия «профессиональный». Итак, профессиональный – значит присущий, свойственный специалисту-профессионалу, обладающему теоретическим знанием, особыми навыками и компе-

Определения
понятий «редактор»
и «редактирование»

тентностью, следующему определенному кодексу поведения и исполняющему определенные служебные обязанности на благо общества.

Приведу еще два важных в контексте обсуждаемой проблемы определения: понятия «редактор» и понятия «редактирование».

Редактор – «литературный работник, профессионально занимающийся редактированием» [20, с. 332].

Редактирование – «процесс, главная цель которого – на основе анализа предназначенного к изданию произведения установить меру его общественной ценности и торговых перспектив, то есть меру соответствия содержания и формы этого произведения его общественному, социально-функциональному назначению и читательскому адресу, сравнивая прогнозируемое воздействие произведения на читателя в целом и в деталях с тем, каким ему, на взгляд редактора, быть желательно, и качества, которыми произведение обладает, с теми, которые могут обеспечить ему успех на книжном рынке, а также помочь автору пригодного к изданию произведения усилить его достоинства и устранить недостатки, выявленные в процессе редакторского анализа» [21, с. 331–332].

Попытка дать
определение
понятию
«профессиональная
редакторская
рефлексия»

Опираясь на существующие в науке и издательской практике определения значимых для меня понятий, приведенных выше, попытаюсь дать определение понятию «профессиональная редакторская рефлексия», выделив его основные составляющие.

Профессиональная редакторская рефлексия – это форма теоретической деятельности литературного работника, профессионально занимающегося редактированием, которая:

1 – направлена на осмысление данным литературным работником своих собственных действий и их законов; связана со способностью редактора к критическому самоанализу и представляет собой основу его духовного совершенствования;

2 – опирается на теоретические знания редактора, на приобретенные опытным путем особые навыки редактирования и профессиональную компетентность; подчинена определенному кодексу поведения; устремлена к созданию общественных (материальных, культурных, духовных) благ;

3 – включает три аналитические составляющие: а) анализ предназначенного к изданию произведения с точки зрения меры его общественной ценности и торговых перспектив, то есть меры соответствия содержания и формы этого произведения его общественному, соци-

ально-функциональному назначению и читательскому адресу; б) анализ воздействия произведения на читателя в целом и в деталях; в) анализ качества произведения, который направлен на помощь автору по усилению достоинств произведения и устранению его недостатков, выявленных в процессе редакторского анализа.

Предлагаю рассмотреть некоторые вопросы приложения редакторской рефлексии к профессиональной деятельности данного специалиста.

3. Понимание как важнейшая проблема профессиональной редакторской рефлексии

Ознакомление с авторским текстом – важный этап деятельности редактора

Непосредственная редакторская практика – в первую очередь моя собственная, моих коллег-редакторов, взаимодействующих с авторами научных (научно-популярных, художественных и др.) текстов, а также исследователей редакторской деятельности и ее методических основ, таких, например, как филолог и редактор Л.К. Чуковская [22; с. 58–61], – позволяет говорить о том, что прежде всего редактор должен ознакомиться с авторским текстом (авторским оригиналом произведения).

Ознакомление с авторским оригиналом, осуществляемое благодаря профессиональной редакторской рефлексии на произведение, необходимо редактору для решения следующих задач: 1 – попытаться понять авторский замысел; 2 – определить, насколько текст автора готов к последующей редакционно-издательской обработке (наличие всех структурно-содержательных частей произведения; система библиографических ссылок и сносок; наличие указателей или хотя бы заявка на их последующую подготовку); 3 – понять, требуется ли доработка текста, связанная, в первую очередь, с восполнением недостающих фрагментов произведения и логическим завершением значимых структурных частей.

Каждая новая рукопись для редактора – terra incognita

Думаю, каждому редактору созвучна идея, высказанная известным писателем, филологом, редактором Л.К. Чуковской. Рефлексируя на свою редакторскую деятельность, связанную с переходом от редактирования нехудожественных текстов к художественным, Л.К. Чуковская отмечала, что «редактор оказывается как бы в преддверии новой страны – даже новой планеты – и притом каждый раз иной, еще никогда не исследованной. На этой планете законы естества как будто и те же, что были на Земле, да не те» [Там же, с. 78]. Подобные ощущения испытываю и я всякий раз, когда начинаю работу над новым текстом. Конечно, в нем есть определенный набор параметров: 1 – формальные: объем произ-

ведения, его структура, так называемое соподчинение – система логически взаимосвязанных структурных уровней текста и др.; 2 – содержательные: название произведения, аннотация, заголовки и др. Эти параметры позволяют соотнести авторский текст с видовыми признаками издания (например, научное издание) или с подвидом издания (статья, монография, сборник научных трудов и др.), что создает у меня настрой на работу, в той или иной степени интенсивную и длительную. Однако каждый текст уникален (даже если стиль автора знаком по другим, ранее отредактированным произведениям) и невозможно загодя сказать, какие редакторские открытия предстоит сделать, работая над ним.

Почему важно
понять замысел
автора

Первое, что важно понять редактору, это авторский замысел и особенности индивидуальной авторской стилистики, проявляющейся в каждом произведении. Размышляя о роли авторского замысла и индивидуальности авторского стиля в произведении, Л.К. Чуковская писала: «Словно магнит, властно отклоняющий стрелку компаса, они диктуют свою волю лексике и синтаксису, ритмике и интонации, все покоряя идее, пережитой сердцем писателя, подчиняя все элементы стиля выношенной, облюбованной автором мысли» [22, с. 78–79]. Еще ранее эта идея в контексте размышления о стилистике литературных жанров была высказана М.М. Бахтиным: «Всякое высказывание... индивидуально и потому может отразить индивидуальность говорящего (или пишущего), то есть обладать индивидуальным стилем» [23, с. 240].

Не поняв замысла
автора, редактор не
сможет адекватно
работать с
произведением

Понять замысел автора и воспринять неповторимый авторский стиль необходимо на самом начальном этапе работы над научным произведением. Иначе, как справедливо отмечала Л.К. Чуковская, «если редактор приступит к работе над языком, к так называемой стилистической правке, исходя лишь из общих представлений о грамматически правильной речи, об обязательной краткости фразы, о борьбе с повторениями и пр., не дав себе труда постигнуть идейно-художественный замысел писателя, – все бесспорно справедливые требования, которые он станет предъявлять к языку, обернутся губительными. <...> Из орудия работы над текстом они превратятся в орудия пытки для автора и в орудие разрушения художественного организма» [22, с. 78–79]. Замечу, что хотя слова Л.К. Чуковской в данном случае имеют отношение к редактированию художественных произведений, то же самое касается и научных текстов, где замысел автора и его уникальный стиль, безусловно, важны и значимы.

Понимание замысла – исходная точка работы над научной монографией

Понимание замысла автора, как показывает мой опыт редакторской деятельности, – та самая исходная точка, без осознания которой редактор лишается опоры в работе над авторским произведением. Не осознав авторский замысел, редактор, скорее всего, не сможет отследить существенные смыслы, которые спрятаны в глубинах научного произведения. И это значит, что в процессе подготовки научного текста редактор будет работать «по верхам».

Понимание текста – проблема филологическая, психологическая и философская

«Понимание» в разные времена становилось объектом анализа ученых – философов, филологов и психологов. Российский психолог В.В. Знаков исследовал в числе прочих проблему понимания текста читателем. В частности, он писал: «Для уяснения смысла письменной речи читатель должен иметь и актуализировать во время чтения модель описываемой в тексте предметной области; он должен знать язык, на котором написан текст, уметь делать корректные с логической точки зрения умозаключения по поводу написанного и т.п. Важными составляющими интеллектуальной деятельности читателя являются процессы целеобразования. Разные познавательные цели деятельности способствуют фокусированию внимания на принципиально различных аспектах содержания читаемого. <...>

<...> Нередко событие, описанное в... научной статье, оказывается настолько сложным, что его понимание перерастает для субъекта в самостоятельную мыслительную проблему» [24, с. 61–62].

Суть понимания – в слиянии горизонтов текста и читателя

Американский литературовед, философ и евангелист К.Дж. Ванхузер, исследуя проблему понимания текста, писал: «...читатель всегда подходит к тексту с определенным “предварительным пониманием”. Но в то же время текст имеет свой собственный горизонт... Поэтому толкование подобно диалогу, в котором читатель подвергается воздействию текста, в то время как текст открывается для интересов и предубеждений читателя. Суть понимания “в слиянии горизонтов” текста и читателя» [25, с. 148–149]. К.Дж. Ванхузер считал, что читатель способен воспринять смысл текста, лишь обладая нравственной и эстетической чуткостью, мудростью, способностью судить и компетентностью [Там же, с. 208].

Понимание текста – результат диалога личностей

Проблеме понимания текста значительное внимание уделял русский философ, филолог и культуролог М.М. Бахтин. Обсуждая диалогическую активность познающего и познаваемого, ученый отмечал, что анализ познания и понимания замыкаются «в один данный текст» и знаменуют собой появления проблемы

границ текста и контекста: «Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами» [23, с. 363, 364]. Для М.М. Бахтина было важно обозначить «этапы диалогического движения *понимания*: исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста.

Диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу *личностей*)» [Там же, с. 364]. С точки зрения М.М. Бахтина, только диалог личностей делает возможным постижение смысла текста; если же «мы превратим диалог в один сплошной текст... что в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет», и в познании будет достигнуто дно – поставлена мертвая точка [Там же, с. 364]. Отсутствие возможности для развития мысли догматизирует и деперсонифицирует ее; М.М. Бахтин полагал, что «мысль знает только условные точки; мысль смыкает все поставленные раньше точки» и в силу этого «подлинное понимание... всегда исторично и персонифицировано» [Там же, с. 365].

Диалогичная
сущность научных
монографий

Сущность научных монографий диалогична. «Диалог (*гр.* dialogos) – 1) разговор между двумя или несколькими лицами; 2) *уст.* литературное произведение, написанное в форме беседы» [26, с. 165]. Диалогичность как форма организации текста (древний, архаический жанр), в некоторой степени как стилистический прием свойственна произведениям античных авторов (см., например, диалоги Платона «Кратил» [27, с. 150–211] «Теэтет» [28, с. 212–287]). Однако уже в античности диалогичность произведений из эксплицитно выраженной стала эмплицитной, что нашло отражение в произведениях Аристотеля (см., например, его сочинения «О душе» [29] и «Категории» [30]). В современных научных монографиях автор иначе строит свой диалог с читателем, адресуя ему отраженные в тексте идеи, благодаря чему и выстраивается подразумеваемая диалогичность научного текста. Кроме того, вдумчивый читатель настроен на *внутренний диалог* с самим собой, возникающий как реакция на авторскую позицию, которая выступает «самостоятельным смыслопорождающим центром» [31, с. 83].

Рефлексивное
редакторское чтение

Дж.Р. Иберг, один из авторов словарных статей Психологической энциклопедии, рассматривал понятие «рефлексивное слушание» в контексте обсуждения

эмпатии и непосредственно процесса слушания [32, с. 761]. Полагаю, рефлексивное редакторское чтение может рассматриваться как сопряженное с «рефлексивным слушанием» понятие. В частности, для рефлексивного редакторского чтения актуально понятие эмпатии как «сложного способа восприятия, сопереживания и коммуникации с другим человеком» – автором, которое осуществляется посредством авторского текста. Другим актуальным понятием выступает понятие процесса слушания, которое предполагает принятие содержания сознания говорящего. Подобно тому как «слушатель доверяет умению говорящего оценить и проанализировать ситуацию», редактор изначально доверяет автору в претворении авторского замысла, и в частности в выборе способов организации материала в уникальную логически связанную структуру. И если «цель слушания заключается в том, чтобы находиться в мире, воспринимаемом глазами другого человека, а не подгонять этого другого под свой собственный воспринимаемый мир», то цель рефлексивного редакторского чтения – попытаться увидеть проблему глазами автора, не подгоняя ее под свой собственный воспринимаемый мир.

Триединая роль редактора научного текста

Вместе с тем рефлексивное редакторское чтение – это активная аналитическая деятельность. Осуществляя такую деятельность, редактор научного текста в идеале (то есть так быть должно, но на практике бывают вариации) выступает в триединой роли: 1 – как представитель интересов автора-ученого, восприимчивый его стиля, чуткий, вдумчивый сопровождающий на пути последовательного претворения в тексте *сверхидей, идей, тезауруса** научной монографии (другого научного текста); 2 – как представитель интересов читателя, представителя научного сообщества, ориентированного на активное познание обсуждаемых в монографии идей; 3 – как глубоко рефлексиирующий профессионал, носитель традиций и ценностей научного книгоиздания. Работа редактора научного текста в контексте понимания его триединой роли выходит далеко за пределы непосредственной литературной правки текста.

Таким образом, профессиональная редакторская рефлексия, направленная на постижение замысла

* Здесь и далее термины, введенные или наделенные особым смыслом в научных трудах В.С. Мухиной, будут выделены курсивом. – Прим. авт.

авторского научного произведения и его понимание в целом, представляет собой сложную внутреннюю мыслительную работу, которая включает внутренний диалог редактора: 1 – с автором; 2 – с потенциальным читателем; 3 – с самой собой как носителем профессиональных ценностей научного книгоиздания. Данная рефлексия не замыкается на самой себе, но значительно обогащается в процессе личностного диалога редактора с автором научного текста, что, полагаю, является отдельным предметом обсуждения.

(Продолжение следует)

1. Сапожникова С.Е. Психология читательского выбора научных монографий в сфере гуманитарных дисциплин: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008.

2. Огурицов А. Рефлексия // *Философская энциклопедия*: в 5 т. Т. 4: «Наука логики» – Сигети. – М., 1967. – С. 499–502.

3. Огурицов А.П. Рефлексия // *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 3: Н–С. – М., 2010. – С. 445–450.

4. Рефлексия // *Философия: энциклоп. словарь* / под ред. А.А. Ивина. – М., 2004. – С. 729.

5. Рефлексия // *Философский словарь* / под ред. Г. Шишкоффа. – М., 2003. – С. 385.

6. Рефлексия // *Большая советская энциклопедия*. Т. 36: Раковник – «Ромэн». – 2-е изд. – С. 423–424.

7. Мухина В.С. *Личность: Мифы и Реальность (Актуальный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты)*. – 4-е изд. – М., 2014.

8. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии // *Исследование проблем психологии творчества*. – М., 1983.

9. Деркач А.А., Зазыкин В.Г. *Акмеология: учеб. пособие*. – СПб., 2003. – С. 116.

10. Рефлексия // *Большая психологическая энциклопедия*. – М., 2007.

11. Рефлексия // *Большой психологический словарь*. – СПб., 2006.

12. Рефлексия // *Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь*. – М., 1997.

13. Аникина В. Философские традиции изучения рефлексии в контексте решения проблемы самосознания // *Развитие личности*. – 2010. – № 3. – С. 127–138.

14. Аникина В.Г. Психотехническая модель рефлексии // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 6. – С. 50–56.
15. Кант И. Лекции: Логика, 1800 // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. – М., 1994.
16. Профессиональный // Большой академический словарь русского языка. Т. 21: Прodelать – Пятью. – М., 2012. – С. 357.
17. Профессионал // Большой академический словарь русского языка. Т. 21: Прodelать – Пятью. – М., 2012. – С. 356.
18. Профессия // Большой академический словарь русского языка. Т. 21: Прodelать – Пятью. – М., 2012. – С. 357–358.
19. Соколова Г.Н. Профессионалы // Социология: энциклопедия. – Минск, 2003. – С. 813.
20. Мильчин А.Э. Редактор // Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. – М., 1998. – С. 332.
21. Мильчин А.Э. Редактирование // Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. – М., 1998. – С. 331–332.
22. Чуковская Л.К. В лаборатории редактора. – М., 2011.
23. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
24. Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – М., 2007.
25. Ванхузер К.Дж. Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания: пер. с англ. – Черкассы, 2007.
26. Диалог // Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М., 1980. – С. 165.
27. Платон. Кратил // Платон. Парменид, Кратил и другие диалоги. – СПб., 2014. – С. 150–211.
28. Платон. Теэтет // Платон. Парменид, Кратил и другие диалоги. – СПб., 2014. – С. 212–287.
29. Аристотель. О душе. – М., 1937.
30. Аристотель. Категории. – 2-е изд. – М., 2011.
31. Тучина О.Р. Читательская деятельность как способ развития самопонимания: дис. ... канд. психол. наук. – Краснодар, 2005.
32. Иберг Дж.Р. Рефлексивное слушание (reflective listening) // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб., 2003. – С. 761.

